

Егорова К. Б. Беспорядки в Свислочской гимназии в контексте преследования тайных обществ в среде польско-литовской молодежи / К. Б. Егорова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 3. — С. 382—397. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-382-397.

Egorova, K. B. (2023). Riots in Svisloch Gymnasium: Persecution of Secret Societies among Polish-Lithuanian Youth. *Nauchnyi dialog*, 12 (3): 382-397. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-382-397. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-382-397

Беспорядки в Свислочской гимназии в контексте преследования тайных обществ в среде польско-литовской молодежи

Егорова Ксения Борисовна ^{1,2}
orcid.org/0000-0002-4050-6888

¹ кандидат филологических наук,
доцент кафедры истории русской
и западноевропейской культуры,

² старший научный сотрудник

Отдела редкой книги
xenia.egorova@gmail.com

¹ Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

² Российская национальная библиотека
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке РНФ,
проект № 21-78-10052

Riots in Svisloch Gymnasium: Persecution of Secret Societies among Polish-Lithuanian Youth

Kseniia B. Egorova ^{1,2}

orcid.org/0000-0002-4050-6888

¹ PhD in Philology, Associate Professor,
Department of History of Russian and

Western European Culture,

² senior research scientist,

Rare Book Department

xenia.egorova@gmail.com

¹ St. Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)

² The National Library of Russia
(Санкт-Петербург, Россия)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 21-78-10052

© Егорова К. Б., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проанализированы данные о беспорядках в Свислочской гимназии, произошедших после закрытия судебного процесса над филаретами и филоматами (1824), который был инициирован Н. Н. Новосильцевым. Исследуются возможные интерпретационные модели, позволяющие дополнить существующие в польской и европейской историографии знания о причинах, побудивших царское правительство учинить столь жестокую расправу над польской молодёжью. Статья вводит в научный оборот ценный источник по истории тайных обществ в Свислочской гимназии, не учтенный при публикации документов следственного дела, корреспонденции участников студенческих волнений и иных эго-документов. Этот источник, извлеченный из Российского государственного исторического архива (РГИА, фонд 1409, опись 1, ед. хр. 1300, бумаги Его Императорского Высочества цесаревича Константина Павловича), позволяющий судить о беспорядках в Свислочи и сделать вывод о наказании, которые понесли ученики, остался без внимания исследователей, поскольку хронологически не попал в рамки дела филаретов и филоматов, а участники беспорядков не были привлечены к судебному процессу и не оказались в числе высланных в отдаленные регионы империи.

Ключевые слова:

филареты и филоматы; конспирология; история тайных обществ; русско-польские культурные взаимосвязи; Свислочская гимназия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article deals with the riots in the Svisloch gymnasium that occurred after the closure of the trial of the Philarets and Philomaths (1824), which was initiated by N. N. Novosiltsev, as well as about possible interpretive models that make it possible to supplement the knowledge existing in Polish and European historiography about the reasons that prompted the tsarist government to carry out such a brutal reprisal against Polish youth. A valuable source on the history of secret societies in the Svisloch Gymnasium, which was not taken into account when publishing documents of the investigative case, correspondence of participants in student unrest and other ego-documents is introduced into scientific circulation. This source, extracted from the Russian State Historical Archive (RGIA = RSHA, Fund 1409, Inventory 1, storage unit 1300, papers of His Imperial Highness Tsesarevich Konstantin Pavlovich), which makes it possible to judge the unrest in Svisloch and draw a conclusion about the punishment that the students suffered, was ignored by researchers, since chronologically fell into the scope of the Filaret and Philomat case, and the rioters were not brought to trial and were not among those exiled deep into the empire.

Key words:

Philaretes and Philomaths; conspiracy theories; history of secret societies; Russian-Polish cultural relations; Svisloch Gymnasium.

Беспорядки в Свислочской гимназии в контексте преследования тайных обществ в среде польско-литовской молодежи

© Егорова К. Б., 2023

1. Введение = Introduction

9 октября 1824 года в Вильно состоялось одно из последних заседаний следственной комиссии по делу об организации тайных обществ в среде польско-литовской молодежи, которую возглавлял Н. Н. Новосильцев [Borowczyk, 2003, s. 729]. На следующий день, 10 октября, осужденные Томаш Зан, Ян Янковский, Адам Сузин и Ян Чечот в сопровождении жандармов отбыли в Сибирь. Адам Мицкевич, который через две недели также будет вынужден покинуть родной край и отправиться в Петербург, оставил следующую дарственную надпись на фолианте «Подражание Христу» немецкого католического монаха-мистика Фомы Кемпийского, предназначавшуюся Томашу Зану: «Томашу 1824 года месяца октября 10 Адам Мицкевич» [Kronika ..., 1957, s. 476].

В тот момент, когда Мицкевич оставил памятную дарственную надпись на книге Фомы Кемпийского, начался новый период в осмыслении польской истории, связанный с формированием представления о роли и значении Польши в историософском ключе, если признать вслед за немецкой философией, что существует некий общий промысел, в рамках которого каждый народ имеет свою миссию и свой дух. В этом символическом жесте Мицкевича впервые со всей полнотой проявляется идея польского мессианизма, отражается представление о Польше как о Христе Европы, распятом в период разделов. Думается, однако, что изучение процессов над студентами — участниками тайных обществ следует рассматривать не только с точки зрения польского профетизма и мессианства, разработанного Мицкевичем. Такая односторонняя позиция не учитывает возможных интересов, страхов и даже социальных паник внутри российского общества, не берет в расчет возможные мотивации поступков Новосильцева вне желания искоренить польскую молодежь.

Финальный аккорд в деле о тайных обществах в среде польско-литовской молодежи прозвучал. Однако в день, когда кибитки с арестантами покинули Вильно, в свислочской гимназии случилось новое тревожное

происшествие: «...в Гродненской гимназии в Свислоче 10 октября в восьмом часу по утру найдено в молитвах принадлежащих пятому и шестому классам слово Государь в четвертой строке молитвы, читаемой перед начатием классов, перемаранное карандашом» [РГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 1300, л. 1 об.]. Рапорт о произошедшем и о наказании, которое понесли гимназисты, попал к Новосильцеву лишь в начале декабря 1824 года, когда дело о филаретах и филоматах уже было закрыто, а потому документы о новых беспорядках в свислочской гимназии не привлекли широкого исследовательского внимания и не попали в сборники архивных документов, позволяющие реконструировать знаменитый судебный процесс над студентами Виленского учебного округа.

В статье пойдет речь о беспорядках в свислочской гимназии после закрытия судебного процесса над филоматами и филаретами, изучаемых на материале новых архивных документов, а также о возможных интерпретационных моделях, которые позволят дополнить существующие в польской и европейской историографии знания о причинах, побудивших царское правительство в лице Новосильцева учинить столь жестокую расправу над польской молодёжью.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Как уже было отмечено, Мицкевич вписал историю высылки студентов из Виленского учебного округа в романтическую, и, по сути, литературную, концепцию народа-Христа. Уточненную формулировку идея польского мессианизма обретает в изданной в 1832 году третьей части поэмы «Dziady», в которой поэт, считавший выход поэмы литературным продолжением борьбы польского народа, вылившейся в восстание 1830—1831 годов [Мицкевич, 1968, с. 713], обратился к виленскому процессу над студентами и предложил интерпретационную модель трагедии своего поколения, сквозь призму которой до сих пор рассматриваются события 1823—1824 годов, когда в Вильно под следствие попали десятки молодых поляков, причастных к обществам лучезарных (променистых), любителей наук (филаретов) и любителей добродетели (филоматов).

Мицкевич предпослал поэтическому тексту короткое вступление, в нем поэт подчеркнул «инстинктивную звериную ненависть царского правительства к полякам» [Мицкевич, 1968, с. 290], которой руководствовался Новосильцев, «задавшись целью уничтожить поляков как нацию» [Там же]. Объясняя судебные процессы над студентами и высылку многих участников вглубь империи, Мицкевич отметил, что «у Новосильцева была своя система — он первым делом принялся за детей и молодежь, чтобы уничтожить в зародыше надежду Польши, ее будущие поколения» [Там же]. Таким обра-

зом, суровая кара, постигшая молодых патриотов Польши, оказалась вписана в контекст многовековой «семейной вражды» (меткое определение Пушкина) и даже взаимной ненависти поляков и русских, а сами действия Новосильцева объяснялись желанием искоренить молодое поколение поляков, чтобы уничтожить всякую надежду польского народа на свободу в будущем.

Именно эта интерпретация государственной реакции на обнаружение тайных обществ в польско-литовской среде, продиктованная уже сформировавшейся к 1830-м годам романтической концепцией польского мессианизма, лежит в основе практически всех исследований, в той или иной мере затрагивающих историю Виленского университета в первой четверти XIX столетия.

Не избежал влияния исторических воззрений Мицкевича и серьезный труд Ежи Боровчика «Реконструкция процесса филоматов и филаретов 1823—1824 годов. История следствия против участников студенческих и молодежных конспираций в Вильне и Виленском учебном округе» [Borowczyk, 2003]. Автор проделал фундаментальную работу по реконструкции деятельности следственной комиссии, привлек широкий пласт архивных материалов (в основном документы Библиотеки Виленского университета, Национальной библиотеки в Варшаве, Литовского государственного архива), проанализировал внушительное количество эго-документов (дневники, мемуары, записные книжки осужденных и свидетелей процесса над студентами). Задавая в предисловии важный вопрос о том, до какой степени реальный ход событий может быть соотнесен с национальной польской мифологией и литературной легендой Мицкевича, Боровчик ушел от ответа и сделал свою хронику судебного разбирательства продолжением существующей хроники жизни и творчества Мицкевича, рассматривая свои изыскания как дополнение, важное ответвление непрекращающейся работы по уточнению научных знаний о жизненном пути польского поэта.

При недавней публикации на русском языке брошюры Иоахима Левеля «Новосильцев в Вильне» [Вильна ..., 2008], отразившей первую отрефлексированную реакцию польского историка на исход судебных процессов в Виленском университете, редактор и составитель этого издания А. И. Федута высказал иную трактовку действий Новосильцева: «В 1823—1824 гг. один из высокопоставленных российских чиновников Николай Новосильцов использовал детскую выходку гимназиста Михаила Платера для того, чтобы свести свои счеты с бывшим другом и товарищем по ближайшему окружению императора Александра — князем Адамом Чарторыйским, занимавшим пост куратора Виленского университета» [Вильна ..., 2008, с. 4]. Подобная интерпретация действий Новосильцева, казавшихся современникам беспрецедентно жестокими, выводит из фоку-

са внимания желание царского правительства уничтожить молодое поколение поляков (так, Лелевель изначально планировал подчеркнуть эмоциональный аспект судебного разбирательства в Вильне и дать книге название «Война царя с детьми», но позже отказался от этого замысла в пользу нейтрального варианта), задушить подрывной дух польского патриотизма на западных окраинах империи и выдвигает на первый план возможный межличностный конфликт товарищей по Негласному комитету.

Отечественные исследования недавнего времени убедительно показали, что русский имперский дискурс начала XIX века содержал устойчивый набор социальных паник и страхов перед возможным распространением европейских революционных настроений через единую сеть тайных обществ. На наличие в сознании российского общества и его элит устойчивой мифологемы всеевропейского заговора указала Т. В. Андреева в докторской диссертации «Тайные общества в России в первой трети XIX века: правительственная политика и общественное мнение» [Андреева, 2010]. По аргументированному мнению Андреевой, Александр I был знаком с трудом аббата А. де Баррюэля (опубликован на русском языке в 1805—1809 годах), в котором выдвигалась концепция тайного общества как всеевропейского заговора революционеров, а страх перед «гидрой европейских революций» становился едва ли не доминирующим мотивом в момент принятия решений внутривластного характера. В частности, это могло выражаться в чрезмерной и необоснованной жестокости к участникам конспиративных общественных объединений.

Современные отечественные исследования рассматривают позицию Российской империи по ряду ключевых внешнеполитических вопросов эпохи (например, неприятие греческой революции) с учетом наличия мифологемы о всеевропейском заговоре как культурной доминанты начала XIX века [Белоусов и др., 2022, с. 79].

Отечественная наука сравнительно мало обращалась к изучению виленских тайных обществ; на русском языке наиболее подробно тема филаретов и филематов разработана в трудах С. С. Ланды, который также выстраивал материал вокруг творческой доминанты Мицкевича [Ланда, 1958]. Виленские беспорядки оказались в тени более масштабного события в российской истории, напрямую связанного с конспиративной деятельностью среди молодежи — восстания декабристов. Основной корпус работ о тайных обществах на русском языке сосредоточен вокруг декабристского движения, виленские события рассматриваются лишь косвенно, только в той мере, в которой они позволяют вскрыть механизм создания и существования тайных объединений в преддверии декабрьского восстания [Абалихин, 1968; Бокова, 2003; Жуковская, 2002; Мироненко, 1989]. Это обусловило доминирование

польской профетической интерпретационной модели при изучении реакции царской власти на открытие студенческих объединений в среде польско-литовской молодежи. Данная модель не учитывает возможное наличие в кругу российской элиты какой-либо устойчивой культурной доминанты, способной оказать влияние на внутривнутриполитические решения, кроме природной ненависти к полякам и польской государственности.

Такой подход к интерпретации и комментарию архивных источников и эго-материалов существенно искажает результаты изучения той ситуации, которая сложилась на западных границах империи после создания Царства Польского. Высылка польских студентов в Сибирь за участие в тайных кружках любителей наук и добродетели становится триггерным моментом в формировании современной польской политики памяти, основанной на романтической объяснительной модели народа-Христа, принесшего себя в лице невинно осужденных молодых польских патриотов в жертву свободе, предложенной Мицкевичем и продолженной целой плеядой польских литераторов (так, свои «поиски отчизны» Чеслав Милош начинает именно с высылки польских студентов в 1824 году [Милош, 2011]).

Представляется необходимым при введении в научный оборот новых источников и анализе уже опубликованных материалов взвешенно подойти к выбору описательной модели и работе с контекстом, чтобы в современных исследованиях учесть всю полифоничность межнациональной и внутривнутриполитической ситуаций, сложившихся в 20-е годы XIX столетия вокруг тайных обществ Виленского учебного округа.

Иохим Лелевель, очевидец виленского процесса, вынудившего его оставить место университетского профессора истории, в разгар ноябрьского восстания опубликовал брошюру «Новосильцев в Вильне в учебном году 1823/4», в которой попытался восстановить ход событий недавнего прошлого. Годом позже вышла в свет третья часть поэмы «Dziady» Мицкевича. Эти два издания, историческое и поэтическое, заложили фундамент дальнейшей публикации документов и материалов о студенческом деле и задали направление для их будущего описания.

Процесс Новосильцева получил освещение в труде Мауриция Мохнацкого «Восстания польского народа», изданном в Париже в 1834 году. Первый том этого труда содержит размышления Мохнацкого о польских тайных обществах в 1820-е годы и ретроспективно встраивает их в некую общую историю польских восстаний от Костюшко до 1831 года, представляя студенческие организации частью борьбы польского народа за свободу, что является некоторым преувеличением, ведь студенты-филареты и филوماتы не ставили своей целью участие в государственном перевороте или вооруженном восстании.

Вторая половина XIX века отмечена многочисленными публикациями архивных документов по делу о студенческих тайных обществах (не только филوماتов, филаретов, но и променистых, а также «черных братьев»). Документы об этом деле многократно копировались для нужд разных канцелярий, а потому сегодня материалы (часто копии одного и того же документа) хранятся в архивах России, Польши и Литвы.

В 1888 году Юзеф Белинский издал ряд делопроизводственных документов из бумаг ректора Виленского университета Твардовского, в 1897 году в серии «Архив истории литературы и просвещения» вышел том документов, давший новый корпус материалов к истории польских патриотических тайных обществ. На русском языке рапорт сенатора Новосильцева и список членов общества филوماتов издал в Варшаве Федор Вержбовский в 1898 году [Вержбовский, 1898]. Работа по выявлению и публикации документов не прекращалась и в XX столетии, когда увидели в свет материалы, подготовленные Александром Краусгаром [Kraushar, 1910] и Генриком Мосьцицким [Promienisci ..., 1916]. Важнейшим источником являются также письма участников процесса и очевидцев виленских событий. Переписка Чарторыйского и Твардовского в 1822—1824 годы была опубликована в 1900 году [Czartoryski, 1900], а в 1913—1923 годы велась работа по выявлению и подготовке к публикации корреспонденции филوماتов [Archiwum Filomatow], продолженная в 1950-е годы А. Витковской [Wybór pism, 1959].

Помимо корреспонденции, существенным материалом для биобиблиографического исследования судеб польских изгнанных является публикация эго-документов (мемуаров, записных книжек). В разное время были изданы воспоминания Станислава Моравского [Morawski, 1924] и Онуфрия Петрашкевича [Pietraszkiewicz, 2006].

При таком обилии публикаций документов и столь скрупулезной работе историков, направленной на выявление в архивохранилищах Литвы и Польши документов по делу филوماتов и филаретов, которая ведется уже почти два столетия, сложно предположить, что какой-то пласт материалов, дающих новые подробности о студенческих конспирациях, остался без исследовательского внимания. Однако разыскания показывают, что материалы РГИА, отражающие короткое расследование преступления против власти в Свислочи в 1824 году (слово *Государь* было вычеркнуто из текста молитвы) практически не изучены. Вероятно, этот материал не соотносился с основным делом о филоматах и филаретах, не получил широкой огласки и не вызвал новый виток репрессий против преподавателей и студентов.

История не попала в поле внимания наиболее крупных исследователей виленских процессов 20-х годов XIX столетия Людовика Базилова

[Bazylow, 1973], Даниэля Бовуа [Beauvois, 1991], Ежи Боровчика [Borowczyk, 2003], Александра Каминского [Kaminski, 1959].

Представляется возможным, продолжая традиции составления много-томного «архива филаретов», расширить границы исследования, привлечь материалы, которые хронологически выходят за рамки судебного процесса над студентами, но отражают те же идейные процессы внутри польской молодежи.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Свислочь глазами Новосильцева

Свислочь и свислочская гимназия фигурировали в документах Новосильцева с самого начала судебного процесса. Так, в рапорте сенатора Его Императорскому Высочеству Государю Цесаревичу и Великому Князю Константину Павловичу от 13 мая 1824 года, который подводит итог нескольким годам расследования студенческих конспираций и предлагает официальную точку зрения на логику их развития, дана подробная характеристика «первого Свицлоцкого Общества под названием Учебного» [Вержбовский, 1898, с. 4].

Новосильцев сообщает, что первый протокол собрания этой тайной организации, в которую входили 8 учеников 6-го класса, был найден в бумагах ученика гимназии Ивана Янковского и датировался октябрём 1819 года. Новосильцев указывает, что по завершении расследования стало ясно, что «в свислочкой гимназии составилось между учениками общество под названием наукового пли учебного, председателем которого был один из вышепоименованных учеников Дионисий Шлаевский; в упомянутых же сочинениях или речах заключались патриотические мысли в польском духе, воспоминания о славных мужах бывшей Польши, внушение подражать им» [Вержбовский, 1898, с. 5].

Это преимущественно литературное объединение просуществовало в Свислочи только 3 месяца, однако Новосильцеву стало известно, что в том же 6-м классе гимназии существовала еще одна организация, «общество под названием Морального» [Вержбовский, 1898, с. 11], все члены которого «посещали заседания в черных платьях дабы придать собраниям большей важности» [Вержбовский, 1898, с. 11]. Однако и это общество, просуществовавшее лишь несколько месяцев, было преимущественно литературным и существенной конспиративной базы не имело.

Важным Новосильцеву показалось то, что среди стихотворных произведений членов обоих обществ были найдены строки, воспевающие «деяния некоторых польских королей и славных мужей, как то Жолкевского о сожжении Москвы при Лжедмитрии, Замойского, Тарновского, Льва Сапегу,

Коллонтая, одного из деятелей революционеров в 1793 году, и проч.» [Верховский, 1898, с. 14]. Однако если учесть, какую популярность имел сборник Юлиана Немцевича «Исторические песни» (издан в 1816 году) среди польских читателей, то тематика поэтических опытов гимназистов может быть вполне объяснима желанием подражать думе на исторический сюжет, моду на которую ввел Немцевич (не избежал этого влияния и создатель русской гражданской поэзии К. Ф. Рылеев). Более в бумагах Новосильцева, связанных с процессами филоматов и филаретов, Свислочь не фигурировала.

3.2. Беспорядки в октябре 1824 года

Однако сенатору пришлось вновь столкнуться с беспокойной гимназией уже в качестве Попечителя Виленского учебного округа (на этом посту Новосильцев сменил Чарторыйского). В день, когда осужденные по делу филаретов и филоматов покинули Вильно, «в Гродненской гимназии в Свислоче 10 октября в восьмом часу по утру найдено в молитвах принадлежащих пятому и шестому классам слово Государь в четвертой строке молитвы, читаемой перед начатием классов, перемаранное карандашом» [РГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 1300, л. 1 об.]. Директор гимназии (согласно адрес-календарю на 1824 год им был Гиоцинт Яцек Крусинский, доктор философии, член Варшавского общества любителей наук) также доносил, что «доска с наклеенною молитвою, принадлежащая 6му классу накануне того дня была кем-то из учеников перенесена в 5й класс будто бы для выучения наизусть сих молитв, чего требовал от учеников учитель русского языка» [РГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 1300, л. 1 об.].

Согласно действующим в начале XIX столетия законодательным нормам это действие (а возможно, просто дерзкая выходка гимназиста) могло быть отнесено с правовой точки зрения к преступлениям против Императора. Выявленные участники злодеяния — Антон Глазер и Павел Зенковский, который первым признался в преступлении, но позже отрицал свою вину, когда следствие выяснило, что он не мог в тот день совершить злодеяние, получили суровое телесное наказание: «Ученика Глазера как виновного в преступлении наказать телесно розгами 75тью ударами в присутствии учителей и учеников всех классов и после исключив из училища никуда не принимать. Ученика Павла Зенковича, как ложно показывающего в разное время и не менее справедливо обвиняемого ежели не в первоначальном замарании то по крайней мере во вторичном поправлении перечерчения слова Государю же в молитвах, наказав телесно розгами 50тью ударами в присутствии учителей и всех учеников, исключить вовсе из училищного ведомства» [РГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 1300, л. 11].

Все ученики, которые сидели рядом с Глазером и Зенковичем, видели совершаемое преступление и не объявили о нем, также понесли наказа-

ние: «Наказали 30тью розгами и учеников, сидевших рядом и не выдавших того, что происходит» [РГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 1300, л. 11].

Помимо телесного наказания виновных учеников, были приняты и административные меры, Крусинский произвел ротацию школьных учителей: «Учителя красноречия Пушкаржевич и древней словесности Микульский, из коих первый замечен уже был прежде в назначении ученикам неприличных тем для упражнений, а последний принадлежал к тайному обществу филаретов, оба исключены вовсе из ведомства Виленского Университета» [РГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 1300, л. 11].

Неприличными считались упражнения в красноречии, написание стихотворных произведений на исторический сюжет; некоторые ученики выбрали для выполнения этого задания сюжеты из польской истории и написали стихотворения, в которых угадывался дух польского патриотизма, за что учитель красноречия, магистр философии Семен Лукич Пушкаржевич и вынужден был объясняться перед директором.

Имя преподавателя древней словесности, кандидата философии Карла Микульского действительно фигурировало в документах дела о филоматах и филаретах [РГИА, ф. 735, оп. 10, д. 7]. Однако он не был обвинен в ходе расследования, хоть и оказался в списках участников общества; напротив, Микульский донес ректору Виленского университета Осипу Петровичу Твардовскому о том, что «некоторые ученики в известное время приходили к Кандидату прав Фоме Массальскому» [РГИА, ф. 735, оп. 10, д. 7, л. 225 об.]. Твардовский поручил проследить за этими собраниями и выяснить, нет ли среди участников какой-либо иной цели, кроме беседы на литературные темы: «Ему самому поручил я прийти к Массальскому будто по случаю в то время, когда собираются у него соученики. Таким образом, узнал он, что там собираются для учения и взаимной критики собственной работы стихов приготовленных для помещения в Виленском периодическом издании Журнала» [РГИА, ф. 735, оп. 10, д. 7, л. 226]. Микульский находился на собраниях «как будто по собственному любопытству» и доносил Твардовскому «о присутствующих там лицах и читанных предметах» [РГИА, ф. 735, оп. 10, д. 7, л. 226]. Никакой иной цели, кроме литературной, не вскрылось, и ректор ослабил внимание к этим собраниям.

Наказание, назначенное руководством Свислочской гимназии даже тем ученикам, которые прямо не принимали участия в преступлении, было сурово, однако необходимо принять во внимание, что события разворачивались в год, когда Виленский учебный округ полнился слухами о расправе Новосильцева над студентами.

Новосильцев, будучи новым Попечителем мятежного учебного округа, получил рапорт о произошедших беспорядках в гимназии от исполняюще-

го обязанности ректора Виленского университета Вацлава Пеликана лишь спустя два месяца, в начале декабря 1824 года. Однако новой волны репрессий не последовало. Новосильцев ограничился письмом графу Тадеушу Тышкевичу, в чьи владения входило местечко Свислочь; сама гимназия была устроена стараниями родственника Тадеуша Винцента Тышкевича и с 1805 года являлась академической гимназией Виленского университета [Коўкель, 2001, с. 98].

В письме Тышкевичу Новосильцев отметил, что «часто повторяемая дерзость свислочских учеников может из сего учебного заведения сделать зловредное для юношества училище пороков, и Правительство вместо полезных членов общества будет видеть в них выходящих людей, не имеющих никакой нравственности, что противно Правительству, которое на таковое зло хладнокровно смотреть не может. Входя в причины всего вышесказанного нахожу между прочим главнейшую ту, что в Свислочи не заведена деятельная полиция, с помощью которой можно было бы знать о каждом шаге ученика» [РГИА, ф. 1409, оп. 1, Ед.хр. 1300, л. 19]. Вероятно, Тышкевич принял меры для того, чтобы гимназия более не привлекала внимания царского правительства, но в момент восстания 1830—1831 годов именно он стал председателем временного правительства Литвы, а после подавления восстания был вынужден отправиться в эмиграцию.

Реакция Новосильцева на извещение о новых беспорядках в Виленском учебном округе, связанных с оскорблением Государа, ограничилась гневным письмом и приказом установить слежку за каждым учеником Свислочской гимназии; если следовать объяснительной модели, предложенной Федутой, такая «мягкая» реакция Новосильцева могла быть обусловлена тем, что дело филوماتов и филаретов уже было закрыто, приговор вынесен, авторитет Чарторыйского как Попечителя Виленского учебного округа в глазах Александра I был подорван, а потому новый виток репрессий против молодых польских патриотов не последовал; не прошло и десятилетия, а эти области вновь вспыхнули огнем восстания, которое уже не осталось в стенах гимназий и университетов, но затронуло самые широкие слои польского населения и было подавлено российским правительством.

4. Заключение = Conclusions

В статье рассматривались конкурирующие интерпретационные модели, к которым прибегают историки и литературоведы при обращении к материалу, связанному с процессами против тайных объединений в среде польско-литовской молодежи в 1820-е годы. Подавляющее большинство исследований в той или иной степени опираются на предложенную Мицкевичем концепцию Польши — Иисуса Европы, согласно которой ре-

акция императорской власти в лице Новосильцева на открытие студенческих обществ, жестокость по отношению к польским молодым патриотам объясняются без учета российского контекста, анализа настроений в среде правящей элиты накануне декабрьского восстания, но основывается исключительно на представлении о природной ненависти российской власти к Польше и ее государственности.

Виленские процессы филوماتов и филаретов, таким образом, оказываются вписаны в многовековую историю польско-российских взаимосвязей, оказываются продолжением дела Костюшко и первым этапом будущего ноябрьского восстания. Именно эта единая линия борьбы поляков выстраивается в различных трудах, начиная с самых ранних исследований, появившихся практически сразу после неудачи польского восстания 1830—1831 годов. Приведенные в статье неопубликованные материалы, отражающие реакцию руководства гимназии в Свислочи и Новосильцева на преступление ученика 6-го класса Антона Глазера, перечеркнувшего в молитве имя Государя, показывают, что интерпретационная модель, сложившаяся в польской и зарубежной историографии под влиянием поэмы «Dziady» Мицкевича, не совсем верно отражает возможные мотивы Новосильцева при рассмотрении дела филаретов и филوماتов, не учитывает российскую сторону этого конфликта, а также наличие возможных социальных паник, не привязанных к попыткам искоренить польскую государственность путем высылки молодых поляков в отдаленные районы империи.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. РГИА — *Российский государственный исторический архив*. Ф. 1409. Оп. 1, Д. 1300. Собственная е.и.в. канцелярия. Бумаги е.и.в. цесаревича Константина Павловича. 1812—1830 годы. О беспорядках, произошедших в Свислочской гимназии (1824—1826 гг.) ; Ф. 735, Оп. 10, Д. 7. О беспорядках по Виленскому учебному округу.

Литература

1. *Абалихин В. С.* Декабристы и другие тайные общества в России в первой четверти XIX века / В. С. Абалихин // *Революционное и общественное движение в России XIX века*. — Воронеж : Воронежский гос. ун-т им. Ленинского комсомола, 1968. — 114 с.
2. *Андреева Т. В.* Тайные общества в России в первой трети XIX в. : правительственная политика и общественное мнение : автореферат диссертации ... доктора исторических наук : 07.00.02. — Санкт-Петербург, 2010. — 52 с.
3. *Белоусов М. С.* Греческая революция и мифологема тайных обществ / М. С. Белоусов, Я. С. Абдуллаев // *Российская история*. — 2022. — Т. 5. — С. 78—90. — DOI 10.31857/S0869568722050077.

4. Бокова В. М. Эпоха тайных обществ. Русские общественные объединения первой трети XIX в. / В. М. Бокова. — Москва : Реалии-Пресс, 2003. — 651 с. — ISBN 5-901976-10-X.
5. Вержбовский Ф. К истории тайных обществ и кружков среди литовско-польской молодежи в 1819—1823 гг. / Ф. Вержбовский. — Варшава : тип. Варш. учеб. окр., 1898. — 98 с.
6. Вильна, 1823—1824 : перекрестки памяти / [сост. Александр Федута ; вступ. ст., коммент. — Павел Лавриненц, Абрам Рейтблат, Александр Федута]. — Минск : Лимариус, 2008. — 241 с. — ISBN 978-985-6740-82-7.
7. Жуковская Т. Н. Правительство и общество при Александре I / Т. Н. Жуковская. — Петрозаводск : Тип. Изд-ва ун-та, 2002. — 217 с. — ISBN 5-8021-0258-6.
8. Коўкель І. І. Свіслацкая гімназія і яе выхаванцы / І. І. Коўкель // Старонкі гісторыі Свіслацкага краю : Матэрыялы навукова-практычнай краязнаўчай канферэнцыі, 23 мая 1998 г. — Гродна : ГрДУ, 2001. — С. 97—105.
9. Ланда С. С. Мицкевич и филоматы 1819—1821 : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.00.00 / С. С. Ланда. — Москва, 1958. — 345 с.
10. Милош Ч. Поиск отчизны / Ч. Милош. — Санкт-Петербург : Польский ин-т : Европейский Дом, 2011. — 231 с. — ISBN 978-5-8015-0286-1.
11. МIRONENKO С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. / С. В. МIRONENKO. — Москва : Наука, 1989. — 238 с.
12. Мицкевич А. Стихотворения. Поэмы / А. Мицкевич. — Москва : Художественная литература, 1968. — 742 с.
13. Bazyłow L. Cierniste drogi szkolnictwa wyższego / L. Bazyłow. — Wrocław : Spoleczeństwo rosyjskie w pierwszej połowie XIX wieku, 1973. — 505 s.
14. Beauvois D. Szkolnictwo polskie na ziemiach litewsko-ruskich 1803—1832. T. I—II. Przel. I. Kania / D. Beauvois. — Lublin : 1991. — 459 s.
15. Borowczyk J. Rekonstrukcja procesu filomatów i filaretów, 1823—1824 : historia śledztwa przeciw uczestnikom konspiracji studenckich i młodzieżowych w Wilnie oraz w Wileńskim Okręgu Naukowym / J. Borowczyk. — Poznań : Wydawnictwo naukowe, 2003. — 815 s. — ISBN 83-232-1035-7.
16. Dernalowicz M. Kronika życia i twórczości Mickiewicza. Lata 1798—1824 / M. Dernalowicz, K. Kostenicz, Z. Makowiecka. — Warszawa : Państw. inst. wydawn. 1957. — 552 s.
17. Kaminski A. Polskie związki młodzieży (1804—1831) / A. Kaminski. — Warszawa : Polskie Wydawnictwo Narodowe, 1963. — 259 s.
18. Korespondencja filomatów (1817—1823) / Wybór i oprac. Marta Zielińska. — Warszawa : Państw. inst. wydawn., 1989. — 498 s.
19. Korespondencja filomatów, 1815—1823 / wydał Jan Czubek. — Kraków : Nakładem Akademii Umiejętności i Towarzystwa dla Popierania Wydawnictw Akademii, 1913. — 503 s.
20. Kraushar A. Z tajnego archiwum senatora Nowosilcowa. Związki tajne na Litwie, w Krozach i Swisloczy (1824—1827) / A. Kraushar. — Warszawa : Miscellanea historyczne XLII, 1910. — 215 s.
21. Książę Adam Czartoryski i Józef Twardowski: korespondencja 1822/24. — Poznań : Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk w Poznaniu, 1900. — T. 26. — 173 s.
22. Morawski S. Kilka lat młodości mojej w Wilnie (1818—1825) / S. Morawski : Opracowali i wstępem poprzedzili Adam Czartkowski i Henryk Mościcki. — Warszawa : Instytut Wydawniczy „Biblioteka Polska”, 1924. — 503 s.

23. Pietraszkiewicz O. Biografia zesłańca / O. Pietraszkiewicz. — Lublin : T-wo nauk. Katolickiego uniwersytetu im. Jana Pawła II, 2006. — 374 s.
24. *Promieniści* : filomaci-filareci / Zebrali i objaśnili Henryk Mościcki. — Warszawa : Nakład Gebethnera i Wolffa. 1916. — 173 s.
25. *Wybór pism filomatów. Konspiracje studenckie w Wilnie 1817—1823* / O. A. Witkowska. — Wrocław : Biblioteka Narodowa, 1959. — 486 s.

Статья поступила в редакцию 22.02.2023,
одобрена после рецензирования 29.03.2023,
подготовлена к публикации 17.04.2023.

Material resources

RGIA — *Russian State Historical Archive. F. 1409, Op. 1, D. 1300. His Imperial Majesty's Own Chancellery. Papers of His Imperial Majesty Tsarevich Konstantin Pavlovich. 1812—1830 years. About the riots that occurred in the Svisloch gymnasium (1824—1826) ; F. 735, Op. 10, d. 7. About the riots in the Vilna school district.* (In Russ.).

References

- Abalikhin, B. C. (1968). Decembrists and other secret societies in Russia in the first quarter of the XIX century. In: *Revolutionary and social movement in Russia of the XIX century*. Voronezh: Voronezh State University named after Leninsky Komsomol. 114 p. (In Russ.).
- Andreeva, T. V. (2010). *Secret societies in Russia in the first third of the XIX century: government policy and public opinion*. Author's abstract of Doct. Diss. St. Petersburg. 52 p. (In Russ.).
- Bazyłow, L. (1973). *Cierniste drogi szkolnictwa wyższego*. Wrocław: Społeczeństwo rosyjskie w pierwszej połowie XIX wieku. 505 s. (In Polish.).
- Beauvois, D. (1991). *Szkolnictwo polskie na ziemiach litewsko-ruskich 1803—1832. T. I—II*. Lublin: Przel. I. Kania. 459 s. (In Polish.).
- Belousov, M. S., Abdullaev, Ya. S. (2022). (2022). The Greek revolution and the mythologeme of secret societies. *Russian History*, 5: 78—90. DOI 10.31857/S0869568722050077. (In Russ.).
- Bokova, V. M. (2003). *The Era of secret societies. Russian public associations of the first third of the XIX century*. Moscow: Realii-Press. 651 p. ISBN 5-901976-10-X. (In Russ.).
- Borowczyk, J. (2003). *Rekonstrukcja procesu filomatów i filaretów, 1823—1824: historia śledztwa przeciw uczestnikom konspiracji studenckich i młodzieżowych w Wilnie oraz w Wileńskim Okręgu Naukowym*. Poznań: Wydawnictwo naukowe. 815 s. ISBN 83-232-1035-7. (In Polish.).
- Dernałowicz, M., Kostenicz, K., Makowiecka, Z. (1957). *Kronika życia i twórczości Mickiewicza. Lata 1798—1824*. Warszawa: Państw. inst. wydawn. 552 s. (In Polish.).
- Kaminski, A. (1963). *Polskie związki młodzieży (1804—1831)*. Warszawa: Polskie Wydawnictwo Narodowe. 259 s. (In Polish.).
- Korespondencja filomatów (1817—1823)*. (1989). Warszawa: Państw. inst. wydawn. 498 s. (In Polish.).
- Korespondencja filomatów, 1815—1823*. (1913). Kraków: Nakładem Akademii Umiejętności i Towarzystwa dla Popierania Wydawnictw Akademii. 503 s. (In Polish.).
- Koykel, I. I. (2001). Svislatskaya gimnazia i yae vykhavants. In: *Staronki gistory Svislatskaga edge: Materyaly navukova-praktychnai krayaznanychai kanferentsy, May 23, 1998*. Grodno: GrDU. 97—105. (In Russ.).

- Kraushar, A. (1910). *Z tajnego archiwum senatora Nowosilcowa. Związki tajne na Litwie, w Krozach i Swisloczy (1824—1827)*. Warszawa: Miscellanea historyczne XLII. 215 s. (In Polish.).
- Książę Adam Czartoryski i Józef Twardowski: korespondencja 1822/24, 26. (1900). Poznań: Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk w Poznaniu. 173 s. (In Polish.).
- Landa, S. S. (1958). *Mickiewicz and Philomaths 1819—1821*. PhD Diss. Moscow. 345 p. (In Russ.).
- Mickiewicz, A. (1968). *Poems. Poems*. Moscow: Fiction. 742 p. (In Russ.).
- Milos, Ch. (2011). *Search for the fatherland*. St. Petersburg: Polish Institute: European House. 231 p. ISBN 978-5-8015-0286-1. (In Russ.).
- Mironenko, S. V. (1989). *Autocracy and reforms. Political struggle in Russia at the beginning of the XIX century*. Moscow: Nauka. 238 p. (In Russ.).
- Morawski, S. (1924). Kilka lat młodości mojej w Wilnie (1818—1825). In: *Opracowali i wstępem poprzedzili Adam Czartkowski i Henryk Mościcki*. Warszawa: Instytut Wydawniczy „Biblioteka Polska”. 503 s. (In Polish.).
- Pietraszkiewicz, O. (2006). *Biografia zesłańca*. Lublin: T-wo nauk. Katolickiego uniwersyteckiego Jana Pawła II, cop. 374 s. (In Polish.).
- Promieniści: filomaci-filareci*. (1916). Warszawa: Nakład Gebethnera i Wolffa. 173 s. (In Polish.).
- Verzhbovsky, F. (1898). *On the History of secret societies and circles among Lithuanian-Polish youth in 1819—1823*. Warsaw: type. Varsh. studies. okr. 98 p. (In Russ.).
- Vilna, 1823—1824: crossroads of memory*. (2008). Minsk: Limarius. 241 p. ISBN 978-985-6740-82-7. (In Russ.).
- Wybór pism filomatów. Konspiracje studenckie w Wilnie 1817—1823*. (1959). Wrocław: Bibl. Nar. 486 s. (In Polish.).
- Zhukovskaya, T. N. (2002). *Government and Society under Alexander I*. Petrozavodsk: Type. Publishing house of the University. 217 p. ISBN 5-8021-0258-6. (In Russ.).

*The article was submitted 22.02.2023;
approved after reviewing 29.03.2023;
accepted for publication 17.04.2023.*